

— Какъ! — сказалъ маркизъ, когда чтеніе кончилось. — Какъ! герцогъ ди-Кринола.

— Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, милый.

— И онъ почтамтскій клеркъ?

— Теперь, нѣтъ.

— Я не совсѣмъ понимаю, чѣмъ же онъ будетъ. Кажется, онъ никакого наслѣдства не получилъ.

— Сестра ничего не пишетъ.

— Такъ чтожь толку въ его титулѣ? Ничего нѣтъ на свѣтѣ вреднѣе нищей аристократіи. Почтамтскій клеркъ вправѣ жениться, но бѣдный аристократъ долженъ, во всякомъ случаѣ, дать своей бѣдности умереть съ нимъ.

Съ этой стороны вопросъ до сихъ поръ не представлялся лэди Кинсбери. Когда она предложила ему пригласить молодого человѣка въ Траффордъ, онъ, какъ будто, вовсе не нашелъ это нужнымъ. — Было бы гораздо лучше, еслибъ Фанни вернулась, ввернулъ старикъ, — молодой человѣкъ, вѣроятно, поселится на родинѣ, если вся эта исторія не сказка, выдуманная Персифлажемъ у себя въ министерствѣ.

XIV. — Весь свѣтъ это знаетъ.

По возвращеніи въ Гендонъ-Голлъ, лэди Франсесъ нашла слѣдующее письмо отъ своей пріятельницы, лэди Амальдины:

«Дорогая Фанни,

«Я положительно въ восторгѣ, что могу поздравить тебя съ удивительною и крайне романической исторіей, которую намъ только-что рассказали. Я никогда не принадлежала къ числу тѣхъ, кто тебя «особенно» осуждалъ за то, что ты отдала свое сердце человѣку, который настолько ниже тебя по общественному положенію. Тѣмъ не менѣе, мы всѣ не могли не находить, что очень жаль, что онъ — почтамтскій клеркъ. За то теперь ты имѣешь основаніе гордиться. Я изучила вопросъ основательно и убѣдилась, что герцогамъ ди-Кринола приписывается «самая чистая кровь» въ Европѣ. Несомнѣнно, что одинъ изъ представителей этого семейства былъ женатъ на принцессѣ изъ дома Бурбоновъ до вступленія ихъ на французскій престолъ. Я могла бы сообщить тебѣ всѣ подробности, еслибъ не была увѣрена, что ты сама уже все разузнала. Другой женился на троюродной сестрѣ того Максимилиана, который былъ женатъ на Маріи Бургундской. Есть предположеніе, что одна изъ дамъ этого семейства была